

Глава 22

Ночь была мрачной и душной.

Пэй Сюань поднялся с места и велел стражникам собрать все письма, найденные в кабинете князя Цзина. Предстояло доставить их в Далисы, чтобы опытные в каллиграфии и словесности писцы досконально изучили каждое слово.

Сам он не мог больше здесь оставаться. Воздух в поместье казался ему вязким и тяжелым — эта незримая мерзость проникала в самые легкие, вызывая лишь острое чувство гадливости.

Едва юноша переступил порог резиденции, как один из сопровождающих поспешил доложить:

— Господин, я мигом велю подать экипаж.

— Не стоит труда, — Пэй Сюань решительно сошел с крыльца и взял у стражника факел. — Здесь недалеко, я дойду пешком.

Он обернулся к застывшим в ожидании воинам:

— Окружите поместье князя Цзина плотным кольцом. Никого не впускать и не выпускать. Слугам запрещено свободно перемещаться по двору. О любом происшествии докладывать немедленно.

— Слушаемся!

Пэй Сюань зашагал впереди, а позади него, поскрипывая колесами, медленно потянулись повозки, груженные изъятymi бумагами.

Пустынные улицы столицы тонули в безмолвии, нарушаемом лишь мерным перестуком копыт. Час был поздний, случайные прохожие давно разошлись по домам, и лишь в редких лавках еще теплились тусклые огоньки свечей. Молодой человек шел по ночному городу, и с каждым шагом его поступь становилась всё тверже.

Здание Далисы встретило их суровым величием. Два фонаря у входа заливали светом черные створки ворот. Огненные блики факела плясали на каменных изваяниях Сячжи — мифических зверей, способных отличать правду от лжи.

Дойдя до порога, Пэй Сюань решительно запахнул полы мантии и поднялся по ступеням:

— Сначала заглянем в темницу.

— Слушаюсь.

Генерал, сотрясающий мощью, после схватки с Императором всё еще пребывал в забытии. Лекарь усердно бинтовал его раны, пытаясь остановить кровь. Князь Цзин, трусливо прятаясь за чужими спинами в ту ночь, почти не пострадал — лишь на лбу наливалась шишка от брошенной Чжу Цинчэнем вазы.

Именно поэтому у изменника оставалось достаточно сил, чтобы без усталости выкрикивать угрозы.

В застенках Далисы было сыро и холодно. Ледяной воздух обжег лицо Пэй Сюаня, стоило ему спуститься под своды тюрьмы. Князя как особо важного преступника заперли в самой дальней камере.

Этой ночью он собирался войти во дворец победителем, а потому вырядился в лучшие одежды и надел золотой венец. Теперь же стражники, устав от его воплей, скрутили ему руки за спиной и заткнули рот кляпом. Роскошный наряд покрылся грязью и пятнами крови; Фу Вэньчжоу валялся на полу, напоминая избитую бродячую собаку.

Стражник подвел Пэй Сюаня к решетке:

— Господин Пэй, прошу сюда.

Услышав голоса, князь Цзин пришел в себя и медленно открыл глаза. Пэй Сюань остановился перед камерой, заложив руки за спину. Подол его чиновничьей мантии едва колыхнулся.

Заключенный вскинул голову и, узнав гостя, вспыхнул от безумной надежды.

«Пэй Сюань!»

В его затуманенном разуме это был не обвинитель, а верный соратник, его будущий супруг государя. Он верил, что Сюань пришел спасти его, чтобы вместе завершить начатое. Из-за кляпа он не мог вымолвить ни слова и лишь отчаянно извивался, пытаясь подняться с колен.

Однако Пэй Сюань не сделал ни шага навстречу. Он смотрел на него сверху вниз — холодно, отчужденно и с глубоким презрением. От этого взгляда сердце князя ухнуло в бездну.

Пэй Сюань обернулся к страже:

— Когда придет господин Лю?

Преступник был слишком важен, и Сюань не имел права начинать допрос в одиночку. Нужно было дождаться Лю Аня и получить личный указ Государя.

— Час поздний, господин, но люди уже посланы за наставником Лю. Просим вас проявить немного терпения, — ответил стражник и, помедлив, добавил: — Не желаете ли пока отдохнуть в приемной?

— Нет, — отрезал Пэй Сюань. — Ступайте, я поговорю с ним наедине.

— Но...

— Стой за дверью и не выпускай отсюда даже мухи.

— Слушаемся.

Увидев, что стража уходит, князь Цзин вновь воспрял духом. Он был уверен: Пэй Сюань просто отсылает свидетелей, чтобы устроить ему побег.

Сюань достал ключи, отпер замок и вошел в камеру. Пленник рванулся всем телом, пытаясь сесть ровнее. Пэй Сюань протянул руку и вытащил кляп из его рта.

— А-Сюань... — выдохнул князь, но договорить не успел.

Раздался глухой удар — кулак Пэй Сюаня с силой врезался ему в лицо, сворачивая челюсть набок. Фу Вэньчжоу ошеломленно замер, но быстро взял себя в руки. Стерев кровь с губ, он произнес с напускной серьезностью:

— Сюань, тебе ведь тоже приснился тот сон, верно?

Ответом стал еще один сокрушительный удар.

Князь, теряя терпение, повысил голос:

— Довольно, Пэй Сюань! Я понимаю твой гнев. Но если ты видел тот сон, то знаешь — я всё равно стану императором. Это предчертано небом! Спаси меня сейчас, мы уйдем на границу, а через пару лет вернемся с армией. Я сделаю тебя великим вельможей, я назначу тебя канцлером!

Пэй Сюань смотрел на него с нескрываемой тоской:

— Без власти генерала, сотрясающего мощью, на что ты надеешься? Как ты собрался воевать?

— Но ведь у меня есть ты! — искренне удивился Фу Вэньчжоу. — Ты ведь помнишь, как строить каналы и чертить военные колесницы?

Сюань до боли сжал кулаки, борясь с желанием ударить снова. Собеседник невольно вжался в стену.

— Каким бы ни был путь, результат был прекрасен! К тому же, в этот раз я ведь не успел тебе навредить. Ты попал на дворцовые экзамены, ты стал Чжуаньюанем! — Изменник попытался заискивать: — Даже с твоим талантом ты будешь десятилетиями выслуживать чины. Тебе не стать канцлером и в пятьдесят. Помоги мне, и в день моей коронации ты получишь всё.

В том безумном сне Фу Вэньчжоу хотел сделать его канцлером, но Пэй Сюань тогда отказался, не желая смешивать дела двора и опочивальни. В итоге он стал супругом государя, вызвав волну восхищения своей «скромностью».

Пэй Сюань в упор посмотрел на него:

— Ты думаешь, мне нужны твои подачки? Канцлер, супруг государя... для тебя я был просто удобным инструментом: днем — советник, ночью — подстилка. Ты ловко всё рассчитал, решив использовать одного человека в двух качествах.

— Сюань...

— Если бы я провалился на экзаменах — это было бы моим поражением. Какое право ты имел разрушать мою судьбу? Генерал был твоим человеком. Когда меня сослали, он издевался надо мной по твоему приказу, чтобы потом ты явился в сиянии милосердия. В том сне я был глуп и не видел, что это лишь подлая игра ради моей преданности. Ты привык попираť чужие жизни, глядя на всех свысока, и при этом смеешь корчить из себя спасителя? Тебя самого от себя не тошнит?

Князь внезапно вспомнил свои слова из сна и поспешно заговорил:

— Я... А-Сюань, я люблю тебя! Я вырос в императорской семье, где кругом лишь ложь. Я не знал, что такое искренность, не знал, как нужно любить! Я просто хотел, чтобы ты был рядом, это был инстинкт... Ты... ты должен научить меня любить!

В том кошмаре, стоило ему произнести эти слова, как сломленный Пэй Сюань заливался слезами и прощал его. Фу Вэньчжоу изо всех сил старался выглядеть искренним, глядя на юношу «полным нежности» взглядом. Однако с разбитым лицом и синяками он выглядел лишь жалко и нелепо.

Эти речи вызвали у Пэй Сюаня новый приступ тошноты. То, что он видел, не было просто сном — это казалось воспоминанием о прошлой жизни, в которой он был предан и раздавлен.

Сюань рывком вздернул его за воротник:

— Я не просил тебя родиться в императорской семье! Я тебе не отец и не мать, чтобы учить тебя «любви»! Я тебе ничего не должен!

Князь осекся.

— Без любви человек еще может жить. Но без совести он превращается в скотину, творящую беззаконие. Ты вырос в роскоши, у тебя было всё — чего тебе не хватало? Почему ты не научился сначала быть человеком, прежде чем рассуждать о чувствах?! Любовь? Да пошла к чёрту эта твоя любовь!

Высказав это, Пэй Сюань перевел дух и внезапно коротко рассмеялся. Свою первую в жизни брань он обрушил на Фу Вэньчжоу — воистину, «возвышенная любовь».

***

В императорском дворце

***

Чжу Цинчэнь мирно спал, обнимая свою любимую плюшевую голову тигра. Тишину нарушил осторожный стук в дверь.

— Наставник Чжу? — донесся голос евнуха Яна.

Цинчэнь проснулся и, сонно потирая глаза, отозвался:

— Кто там?

— Это я. Господин Пэй прислал человека за указом Государя — он намерен провести ночной допрос князя Цина. Его Величество подумал, что вы захотите на это взглянуть, и велел мне спросить, не желаете ли вы отправиться в Далисы?

— Только ради этого? — Цинчэнь зевнул. — Что с этим Пэй Сюанем? Ночь на дворе, а он затеял допрос. Не мог до утра подождать?

— Так вы не поедете?

Цинчэнь уже собрался было снова нырнуть под одеяло, но вдруг подскочил как ужаленный:

— Конечно поеду!

Раз А-Сюань сам взялся за князя, такое зрелище пропускать нельзя. Сон может и подождать.

— Обождите мгновение, я сейчас выйду!

— Хорошо, господин, не торопитесь.

Евнух Ян у двери невольно улыбнулся. Когда Император велел ему идти к наставнику, старик засомневался: «Чжу Цинчэнь уже десятый сон видит. Если мы его разбудим, он только разворчится и никуда не пойдет». Однако монарх уверенно ответил: «Ничего, просто спроси. Он больше всего на свете любит смотреть, как князь Цзин влипает в неприятности».

Государь знал наставника как никто другой.

Цинчэнь быстро оделся, накинул чиновничью мантию и, наспех пригладив волосы, с небывалым воодушевлением распахнул дверь.

— Я готов!

Когда князю плохо — Цинчэню хорошо. А если Фу Вэньчжоу будет плохо всегда — Цинчэнь будет вечно счастлив.

Забрав указ во дворце, он вместе с евнухом Яном сел в экипаж. У ворот Далисы они увидели карету семьи Лю. Цинчэнь высунулся в окно:

— Лю Ань!

Заметив наставника, юноша поспешил навстречу:

— Учитель.

— Тебя Пэй Сюань тоже выдернул из постели? — спросил Цинчэнь, спускаясь на землю.

— Да, — кивнул Лю Ань, помогая наставнику и евнуху. — Если у него нет дела жизни и смерти, я его придушу.

Цинчэнь укоризненно на него посмотрел:

— Ну как так можно, вы же соученики...

— Простите, я лишь...

— Не надо душить до смерти. Нам еще нужно, чтобы он дело до конца довел, — серьезно добавил Чжу Цинчэнь. — Вот как закончит — тогда и души.

Лю Ань поперхнулся. Истинный учитель.

Группа вошла в здание Далисы.

— Где господин Пэй? — спросил Лю Ань у стражи.

— В тюремных застенках.

— Что ж, идемте туда.

Когда они спустились, Пэй Сюань уже взял себя в руки. Он стоял посреди камеры, выпрямив спину и заложив руки за спину. Князь Цзин, забившись в угол, мелко дрожал — казалось, он теперь боялся Сюаня до смерти.

— Господин Пэй, наставник Чжу и господин Лю прибыли, — вполголоса доложил стражник.

Пэй Сюань обернулся. Его лицо было спокойным, как и всегда, ни тени недавней бури. Он почтительно поклонился:

— Учитель. Старший брат.

Цинчэнь кивнул и достал из рукава свиток:

— Вот указ Государя. Можно начинать.

— Слушаюсь.

Пэй Сюань кивнул стражникам, и те бесцеремонно вытащили изменника из угла. Только теперь все увидели его лицо — в кровоподтеках и ссадинах, словно его только что жестоко избил. Лю Ань испуганно схватил друга за рукав и прошептал:

— Ты что, бил его?

Как ни крути, заключенный был важным преступником, и самосуд мог обернуться бедой для самого Пэй Сюаня.

— Старший брат, я... — начал было Сюань.

Но Чжу Цинчэнь прервал его:

— Все нет. Это следы ударов Его Величества, А-Сюань тут ни при чем.

Оба ученика в изумлении уставились на наставника. Интересно, знает ли Император, что на него сваливают такие «подвиги»?

Цинчэнь и бровью не повел:

— А что такого? Когда Государь захватывал изменника, он проявил небывалую доблесть. Эти синяки — его «награда» преступнику. Разве наш нежный А-Сюань мог сотворить такое?

— Верно, — Пэй Сюань быстро сориентировался и кивнул.

Цинчэнь велел страже вести пленника в зал допросов. Фу Вэньчжоу в ярости скрипел зубами — Пэй Сюань его бил, а наставник еще и нагло выгораживает ученика.

***

В зале допросов

***

В зале допросов ярко горели светильники. Чжу Цинчэнь в алой мантии сел на главное место. Лю Ань и Пэй Сюань заняли места по бокам. Пэй Сюань украдкой взглянул на Лю Аня, убеждаясь, что тот жив, здоров и его голова на месте. В том страшном сне Лю Ань был мертв.

Почувствовав на себе взгляд, Лю Ань нахмурился:

— Чего ты смотришь?

Пэй Сюань послушно покачал головой и перевел взор на учителя.

В том мире без наставника Чжу он был слаб и одинок. Только сейчас он до конца понял, почему при первой встрече учитель заставил его стоять за дверью и громко читать свою статью. Казалось бы, мелочь, но именно с нее наставник начал превращать его в другого человека. Он больше не был тем робким юношей из кошмара.

Поскольку Чжу Цинчэнь прибыл с указом монарха, он формально возглавлял процесс. Лю Ань и Пэй Сюань приступили к делу. Князь стоял перед ними, низко опустив голову, в его глазах горела затаенная злоба.

Цинчэнь кивнул ученикам:

— Начинайте.

Пэй Сюань достал письма, которые сам же изъясил у изменника той ночью.

— Фу Вэньчжоу, узнаешь это?

Преступник мгновенно вскинулся:

— Пэй Сюань! Так это ты их украл! Той ночью!

Сюань невозмутимо продолжал держать бумаги:

— Значит, ты признаешь, что это твоя переписка с генералом?

Он покосился на писца. Тот кивнул и быстро заскрипел пером по бумаге.

— Когда начался заговор? Как вы держали связь? Рассказывай всё, до последней мелочи.

Князь, разумеется, заупрямился:

— Пэй Сюань, довольно! Я знаю, ты злишься. Ну, ударил ты меня пару раз, выплеснул гнев — и хватит. Неужто ты и вправду намерен пытаться меня?

В глазах Фу Вэньчжоу его проступок был сущей мелочью — ведь он не успел захватить трон. Он верил, что раз небеса послали ему сон о будущем величии, то Сюань просто обязан ему помочь. Как он смеет идти против судьбы?

Пэй Сюань с силой грохнул пачкой писем об стол, заставив пленника вздрогнуть.

— Палач, к делу.

Голос Сюаня был ровным и тихим. Стражники тут же подхватили изменника и привязали к дыбе. Тот продолжал орать:

— Пэй Сюань, ты не посмеешь! Ты бьешь меня?! Я никогда не сделаю тебя...

— Начинайте! — оборвал его Пэй Сюань.

Тюремщики Далисы знали свое дело. Наглые и крикливые преступники были их любимой добычей. Плетки, вымоченные в соленой воде, были гибкими и тяжелыми. Снаружи кожа казалась лишь покрасневшей, но под ней плоть превращалась в кровавое месиво. После пары ударов изнеженный князь замолк, лишившись голоса.

Пэй Сюань смотрел на это без тени эмоций. И вот этот человек в том сне сумел захватить власть? Смешно.

Когда десять ударов закончились, Сюань снова спросил:

— Фу Вэньчжоу, расскажи о заговоре с генералом. В деталях.

Князь, обессиленно повиснув на ремнях, прохрипел:

— Я скажу... всё скажу...

Чжу Цинчэнь наблюдал за Пэй Сюанем.

«Мой ученик повзрослел всего за одну ночь», — мысленно обратился он к Системе.

«Сюжет разрушен до основания, — ответила Система. — Теперь Пэй Сюань волен делать что пожелает».

«Неудивительно, что он первым же делом решил проучить князя», — с удовлетворением заметил Цинчэнь.

Вскоре Фу Вэньчжоу выложил всё о своих связях с генералом. Немного переведев дух, он вскинул голову и с ненавистью посмотрел на Пэй Сюаня:

— Почему же ты не расскажешь всем, как именно ты добыл то письмо?

Князь понял, что Сюань не намерен его щадить, и решил использовать свой последний козырь. О том, как Сюань получил письмо, знал только он. История была грязной, и Фу Вэньчжоу был уверен: гордый ученый не посмеет упомянуть об этом при свидетелях.

Он криво усмехнулся:

— Пэй Сюань, давай я расскажу. Той ночью...

— Той ночью, — твердо перебил его Пэй Сюань, — я вез вино в твоё поместье.

Князь осекся. Неужели он посмеет?

— Я доставил вино на кухню. Управляющий велел мне подождать, пока он принесет деньги. Я прождал четверть часа и, не дождавшись, решил уйти. Но едва я вышел во двор, как Фу Вэньчжоу, притворившись пьяным, набросился на меня, пытаясь обнять...

— Молчи! Молчи! — взревел изменник.

Неужели этот книжник готов пожертвовать своей репутацией? Как он смеет так бесстыдно выставить напоказ свой позор?

Пэй Сюань продолжал, не обращая внимания на его вопли:

— Я перебросил его через плечо и швырнул на землю. Он поднялся и принялся нести всякую мерзость, пытаясь прижать меня к стене. В завязавшейся потасовке я заметил письмо, выпавшее из его одежды. Улучив момент, я забрал его и ушел.

Пэй Сюань посмотрел князю в глаза:

— Я что-то упустил? Хочешь что-то добавить?

Фу Вэньчжоу был на грани безумия. В том сне Пэй Сюань был труслив и забит, он десятилетиями хранил эту тайну, боясь чужих пересудов. Как же так вышло, что здесь, в Далисы, перед десятками стражников, он сам во всём признался?

— Это твоё преступление, а не моё, — холодно добавил Пэй Сюань. — Моя совесть чиста. Пусть люди знают, что ты — безумец, посмеивший поднять руку на студента перед экзаменом. С чего мне тебя покрывать?

Сюань обернулся к писцу:

— Всё записано?

— До последнего слова, господин, — кивнул тот.

— Внесите в протокол: князь Цзин не только замыслил мятеж, но и совершил унижение и оскорбление чести ученика. Я лично представляю это Государю.

Это было только начало. Предстояло еще разобрать все бумаги из тайника князя и составить список соучастников. Каждое имя потребует новых допросов.

К рассвету допрос был окончен. Чиновники и стража, работавшие всю ночь, нуждались в отдыхе. Преступника увели в камеру. Чжу Цинчэнь, прижимая к себе указ монарха, задремал прямо в кресле. Пэй Сюань и Лю Ань тихо перекусывали и разбирали записи, стараясь не шуметь.

Лю Ань несколько раз порывался заговорить и наконец решился. Он взял друга за руку и негромко произнес:

— Тебе не стоило рассказывать всё так подробно. Языки у людей длинные, пойдут слухи...

— Пусть говорят что хотят, — ответил Сюань. — Главное, чтобы в деле не осталось белых пятен. — Он помедлил и спросил: — А ты, старший брат? Ты тоже будешь меня судить?

— Что ты! Конечно нет, — горячо заверил его Лю Ань.

— Если кто-то из моих знакомых решит меня осудить — пусть скажет мне это в лицо. Мне не нужны друзья, не умеющие отличить правду от лжи. Я сам разорву с ними связь.

В этот момент дремавший Цинчэнь открыл один глаз, стянул со стола печенье и лениво проговорил:

— А если ты из-за этого не сможешь жениться? Что тогда?

Пэй Сюань вздрогнул от неожиданности:

— Учитель?

Цинчэнь внимательно на него посмотрел.

— Тогда не женюсь, — серьезно ответил Сюань. — Буду всю жизнь заботиться о вас и старшем брате.

Цинчэнь и Лю Ань синхронно поморщились. Перспектива показалась им так себе.

После завтрака и короткого отдыха Пэй Сюань снова ударил судейским молотком: допрос продолжается. Чжу Цинчэнь и Лю Ань переглянулись. Кажется, этот фанатик правосудия не намерен останавливаться.

Князя снова привели в зал. Он успел немного умыться и привести себя в порядок, вернув себе толику прежнего лоска. Безумие вновь вспыхнуло в его глазах.

— Пэй Сюань, ты идешь против неба! Я — истинный император, так велел рок!

Сюань проигнорировал его выпад и вытянул из стопки бумаг письмо:

— Объясни вот это. Твоя переписка со вторым молодым господином из резиденции министерства войны.

— Пэй Сюань, у тебя еще есть шанс покаяться! — закричал Фу Вэньчжоу, который за час отдыха успел позабыть о недавней порке.

Цинчэнь, мирно дремавший на своем месте, проснулся от этого вопля и недовольно цокнул языком. Шумно-то как. Преступник обернулся на звук и только теперь заметил наставника. Озарение исказило его лицо; он со звоном кандалов ткнул пальцем в сторону Чжу Цинчэня:

— Ты! Это всё ты! В том сне тебя не было! Это ты влез между мной и Сюанем! Ты подговорил его пойти против меня!

Цинчэнь лениво приподнял веки:

— Что? Я разрушил ваши отношения?

— Да! Если бы не твои бредни, которыми ты забил ему голову, он бы давно стал моим верным советником...

Князь не успел закончить — Пэй Сюань вскочил с места:

— Замолчи!

Он мог стерпеть оскорбления в свой адрес, но не позволял порочить имя учителя. Фу Вэньчжоу, словно одержимый, рванулся из рук стражи:

— Если бы он был со мной, он стал бы канцлером! Ты всё испортил, ты — злой дух!

Лю Ань, не дожидаясь стражников, подскочил к нему и, схватив за воротник, прижал к стене. Пэй Сюань выхватил у стражника бамбуковую планку и наотмашь ударил князя по лицу:

— Заткнись!

Изменник совсем лишился рассудка, выбалтывая при всех свои бредни о снах. Юноша не боялся за себя, но он не мог допустить, чтобы наставника обвинили в колдовстве или дурном влиянии. После двух крепких ударов изо рта князя пошла кровавая пена, и он замолк.

— Князь Цзин бредит, — холодно произнес Пэй Сюань. — Пошлите во дворец за лекарем, пусть решит, безумен он или просто притворяется.

Когда стражники увели Фу Вэньчжоу, в зале остались лишь учитель и его ученики. Преступник лежал на полу, тяжело и хрипло дыша. Придя в себя, он вцепился в полу мантии Пэй Сюаня:

— Сюань, не слушай его... Он — демон, он пришел, чтобы посорить государя и верного слугу... Помоги мне, спаси меня!

— Умолкни, — Сюань с силой вырвал ткань из его пальцев. — Кто ты такой, чтобы судить учителя?

Чжу Цинчэнь чуть выпрямился. Пэй Сюань продолжал:

— Наставник правил мои статьи, учил меня стойкости и мудрости правителя. А чему хотел научить ты? Искусству в постели? Тому, как угождать твоим прихотям и смириться с судьбой? Учитель честен и благороден, а ты — похотливый безумец. Как ты смеешь ровнять себя с ним?

Юноша ткнул бамбуковой планкой в грудь князя:

— Кто на самом деле разрушил мою жизнь — ты и сам прекрасно знаешь.

Фу Вэньчжоу лишь бессвязно бормотал под нос:

— Он демон... это небо решило меня погубить... Если бы не он, я бы уже правил... Это воля небес...

— Это не небо тебя губит, это небо тебе подыгрывало до последнего, — произнес Чжу Цинчэнь, спускаясь к нему.

Он остановился перед ним. Никчемный, пустой противник. Огромный талант Пэй Сюаня был отдан ему в жертву, чтобы любой его шаг казался мудрым и оправданным. Разве автор этой истории не был для здешних мест самим небом? Разве не рок осыпал изменника незаслуженной милостью? Чтобы проложить ему путь к трону, небо было готово сломать не только Пэй Сюаня.

И этот человек до сих пор не признал вины, обвиняя во всем других. Цинчэнь присел перед ним на корточки:

— Если ты так недоволен — подожди еще немного.

Фу Вэньчжоу непонимающе вскинул голову.

— Подожди, — улыбнулся Цинчэнь, — вдруг небо устроит для А-Сюаня «погоню за женой в крематорий»? Вам ведь так нравятся эти игры? Может, он еще придет к тебе с извинениями. Наш А-Сюань теперь важный чиновник, на колени не падет, но, может, разок присядет перед тобой — этого тебе должно хватить. Ну, раза три присядет, и хватит с тебя — не будь слишком капризным. Это будет великая любовь государственного мужа.

Князь мгновенно вскинулся, указывая на Цинчэня:

— Пэй Сюань, слышишь?! Он всё знает! Он знает про сны! Он специально пришел, чтобы разлучить нас!

Цинчэнь лишь усмехнулся:

— Тебе что, мало? Это же «погоня за женой в крематорий»! Сам великий эрудит будет ради тебя страдать. Радуйся, такая выгода.

Заклоченный продолжал вопить, но Пэй Сюань лишь смотрел на наставника. Какая разница, что знает учитель? Какая разница, нарочно он это сделал или нет? Пэй Сюань никогда не любил Фу Вэньчжоу — кто полюбит того, кто растоптал его будущее? Наставник совершил великое благодеяние, он — истинный спаситель, посланный самими небесами.

Поняв, что Пэй Сюань непреклонен, изменник снова набросился на Цинчэня:

— Это всё ты! Ты несправедлив! У тебя столько учеников, ты даже слугу своего учишь! А мне ты не помог! Я не знал любви, Сюань не учил меня, и ты не учил! Это не моя вина!

Пэй Сюань оборвал его:

— Учитель давал тебе шанс. В тот самый первый день в нашей лавке он говорил тебе о чести и достоинстве, но ты не желал слушать.

Чжу Цинчэнь удивился:

— Откуда ты знаешь?

Сюань смущенно опустил глаза:

— Простите, учитель... Я тогда подслушивал на кухне.

Цинчэнь понимающе кивнул и вернулся на свое место. Пэй Сюань снова присел перед изменником, легонько похлопывая его по лицу:

— Ты сам всё упустил. Предупреждаю: скажешь еще хоть слово против наставника — я велю вырвать тебе язык. Ты грамоте обучен, сможешь отвечать на допросах и письменно.

Фу Вэньчжоу в ужасе замер. Он и представить не мог, что прежний робкий юноша может быть столь беспощадным. Но с такими, как он, иного языка и не требовалось.

Сюань поднялся и вернулся за судейский стол. Лю Ань, слушавший всё это время, задумчиво посмотрел на учителя.

— Наставник...

Чжу Цинчэнь коснулся его руки:

— Князь не в себе, не бери в голову.

Допрос пришлось прервать. Лекари забрали изменника, и друзья покинули Далисы. На улице сияло яркое солнце — точно такое же, как в день дворцовых экзаменов. Пэй Сюань подставил лицо под жаркие лучи.

Этот сон... казалось, в нем прошли долгие годы мрака. Он уже и забыл, каким теплым бывает настоящий свет. Юноша повернулся к учителю:

— Наставник, вы не считаете меня слишком жестоким?

— Все нет, — отозвался Цинчэнь. — Это не жестокость.

То, что сделал сегодня Пэй Сюань, не шло ни в какое сравнение с грехами князя. В изначальной истории насилие Фу Вэньчжоу называли «величием монарха» и «правом сильного», а его запоздалое раскаяние — «великой милостью». Пэй Сюаня же, доведенного до самоубийства, упрекали в «неблагодарности». Стандарты для них всегда были разными.

Сейчас же Пэй Сюань просто исполнял свой долг, судя преступника, который продолжал изрыгать оскорбления. Глупо было бы ждать от него мягкости в такой момент.

— Это называется «чиновничья твердость»! — Чжу Цинчэнь обнял Пэй Сюаня за плечи. — Так и веди дела!

— Хорошо.

Лю Ань стоял рядом, и Чжу Цинчэнь, не желая обделять его вниманием, притянул его к себе и крепко похлопав по плечу:

— И ты тоже. Будьте непоколебимы!

<http://bllate.org/book/15820/1428585>